

Граница между Своим и Чужим (на материале творчества А.С.Пушкина)

Исследователи указывают на происходящую в 2000-х годах переориентацию «культуры как текста» на «культуру как процесс перевода и переговоров» (1). Мы исходим из того, что «смещение акцента с самоценной текстуальности на прагматику коммуникации» допустимо в той мере, в какой сохраняется специфика литературоведческого исследования. Проблема, актуальная для различных областей гуманитарного знания, исследуется здесь в рамках литературоведческого дискурса.

В опоре на оппозицию Свое – Чужое выстраиваются взаимоотношения индивидуумов, социальных сообществ, наций, культур. В измерении Свое – Чужое таится основа идентичности личности. Изучение границы между Своим и Чужим способствует пониманию человека и мира, автора и героя в их взаимоотношениях и взаимодействиях. В художественном тексте конфронтацией смыслов, заданной сопряжением разнородных миров, формируется содержательное и формальное единство произведения.

В модель взаимоотношений Своего и Чужого в первую очередь входит понятие границы, которая трактуется как «определенная категория ориентации человека в мире» (2, с.30 -31). Оппозицией Свое – Чужое фиксируется граница между тем, что принадлежит «я» и отличает «я» от «не я». В литературных направлениях, которые тяготеют к универсальному и общечеловеческому, граница между Своим и Чужим представляется менее значимой, чем их общность. Так, классицисты и постмодернисты утверждают размытость границ между «я» и «не я». Напротив, романтики обязательно фиксируют границы между индивидуальными, национальными, историческими и т.п. мирами.

Пушкинская мысль всегда рождается на стыке крайностей, синтезируя противоположности переводом их в пограничное смысловое пространство. Укажем на важнейшие моменты, оставляя идеи в той степени развернутости, которая позволяет обозначить пушкинское представление о границах Своего и Чужого.

Первое. В пушкинской художественной Вселенной, как правило, фиксируется *наличие границ* между разными мирами, чем обеспечивается самотождественность личностного «я» и устойчивость составляющих структуру личности элементов. «Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной» (ЕО, 1, LYI), - указывает автор на свое отличие от героя. Миры разных персонажей, человеческих единств, разграниченных по социальному,

национальному, пространственно-временному признакам, маркируются в их своеобразии и особенности. И совсем еще юный Пушкин удивляет бережным отношением к границам чужого «я», когда даже участие обнаруживает себя как ответ на чужую нужду или боль, а не агрессию навязчивой услуги. «Участьем отвечать застенчивой мольбе», - учится («учуся») Пушкин в «Деревне» (1819). При этом Пушкин склонен с особенным вниманием вглядываться в образы чужого, даже чуждого ему мира, видя потенции развития личности именно в соприкосновении со своей противоположностью. Как тут не сказать вместе с С.Аверинцевым: «Как хорошо, что русский человек сводит в детстве знакомство с Гриневым, героем, который умеет с человеческим участием, с пониманием глядеть в глаза самому что ни есть для него чуждому – и не отказываться от верности своему, своей правде» (3).

Второе. *Размытость границ* связывается у Пушкина с ужасом разрушения или с представлениями об антимире. Обезумевший от горя Евгений в «Медном всаднике» «свой несчастный век / Влачил, ни зверь, ни человек, / Ни то ни се, ни житель света / Ни призрак мертвый...» Бесовская нечисть («Бесконечны, безобразны / В мутной месяце игре») рисуется в стихотворении «Бесы» неясными, расплывающимися фигурами, очертания которых неотчетливы: «Что там в поле?» - «Кто их знает? Пень иль волк». Реальность тяготеет к *определенности границ*. Буря в реальном мире может быть как зверь или плакать как дитя («Зимний вечер»), но никогда члены сравнения не уравниваются и не подменяют друг друга.

Третье. Если замкнутостью сохраняется целостность и неизменность единичных миров, то открытость удовлетворяет потребность в вечном обновлении и развитии. Идея абсолютно замкнутого в себе мира чужда Пушкину. Границы между мирами не фиксируются намертво. Замкнутость круга ассоциируется с воздействием бесовской силы, препятствующей движению («Бесы»). Утверждение абсолютно непроницаемой границы, через которую нельзя переступить, исходит в «Сцене из Фауста» от Мефистофеля: «Таков вам положен предел, / Его ж никто не преступает». Пушкин часто указывает на *проницаемость границ*, потенциальную возможность перехода из Своего в Чужое. Дочь стационарного зрителя становится богатой барыней. Алексей Берестов готов жениться на крестьянке. Сальери, воспринимая Моцарта как пришельца из иного мира, чужеродного реальности и «чадам праха» («Как некий херувим, / Он несколько занес нам песен райских...»), приходит к вопросу «Но ужель он прав...». Герои Пушкина в общении и взаимодействии испытывают себя и свои принципы. Пушкин неизменно утверждает взаимную необходимость друг в друге

разных людей в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир. Открытостью человека человеку преодолевается ограниченность и односторонность замкнутого на себе существования.

У Пушкина Свое – это прежде всего путь к истине, который не исключает другие пути - чужие. Пушкин знает ценность обмена между Своим и Чужим, взаимно обогащающего и развивающего. М. Виротайнен справедливо указывает на присущую поэту «способность пребывать на границе, выдерживать столкновение разноприродных миров и извлекать из этого столкновения новые смыслы и новое качество» (4, с. 21). Именно на границе миров герои Пушкина обретают полноту жизни, ощущают то напряжение духовных сил, без которого невозможно полноценное существование: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю» («Пир во время чумы»). И Дон Гуан достигает цену жизни на той границе, которая и разделяет и объединяет миры мужчины и женщины: «С той поры лишь только знаю цену / Мгновенной жизни, только с той поры / И понял я, что значит слово Счастье» («Каменный гость»).

Четвертое. Автономность Своего у Пушкина относительна. Граница между Своим и Чужим выстраивается позицией персонажей внутри системы координат, принятой коллективным сознанием какой-либо общественной группы. Иными словами, индивидуальное сознание персонажа никогда не формируется исключительно в рамках самости, способности, единственности. Даже в период увлечения Байроном Пушкин называет своего героя «пленником» или «русским» и не дает ему имени собственного – этого знака Своего, личного, выделяющего из общности.

В отличие от Гоголя, воспринимавшего мир как «систему целостных социальных единств», «в которых без остатка растворен отдельный человек» (5, с. 13), индивидуальность человека для Пушкина не «призрачная величина». Но столь же бесспорной данностью являются, с точки зрения Пушкина, групповые характеристики в составе «я», которое рано или поздно освобождается от иллюзии собственной независимости. Личность, отпадающая от общих начал, утверждающая Свое в гордом противостоянии Чужому, как это будет у Лермонтова, в пушкинском художественном мире – отклонение от нормы, причем отклонение сомнительное. Пушкин изображает репрезентативного героя, у которого Свое включает в себя константы социальных, сословных, национальных, религиозных и т.д. единств.

Л.Баткин, характеризуя процессы формирования индивидуальности в западноевропейской литературе, пишет о том, что понятие самоценной личности возникло лишь тогда, когда стало ясно, что отдельный человек значит бесконечно

много «в качестве такового, а не потому что он есть частица чего-то огромного» (6, с. 217 – 218). В тех случаях, когда пушкинский герой отказывается видеть в себе «частицу чего-то огромного», претендуя исключительно на самостоятельную значимость, судьба преподносит ему урок, заставляя смириться перед тем, что выше Своего.

Представление о самодостаточности, самоценности личности движет планами и действиями героя «Медного всадника». Евгений равнодушен и к «почиющей родне» и «к забытой старине», а тем более к сверхличным силам. Он рассчитывает исключительно на свою молодость, здоровье и труд в своих непритязательных планах «успокоить» себя и Парашу, будущих детей и внуков: «Но что ж, я молод и здоров, / Трудиться день и ночь готов». Замкнутый на себе, в Чужом, которое понимается столь же приземлено-конкретно, как и Свое, Евгений видит угрозу своему благополучию. В наводнении, в котором народ «зрит божий гнев», а царь «божию стихию», Евгений винит «строителя чудотворного». Перед Медным всадником снимает он, напуганный преследованием, свой изношенный картуз. Может быть, безумие в том и состоит, что люди ищут объяснения своим достижениям или бедам в действиях человека – частного, как Евгений, или государственного, как Петр I? Исследователи, спорящие о том, на чьей стороне Пушкин в конфликте личности и государства, кажется, недалеко уходят за рамки кругозора «безумца бедного». Разграничение Своего и Чужого не воспринимается Пушкиным как противостояние личности и государства при всей несомненной значимости этого конфликта для поэта. Свое даже в период юношеского романтизма не отождествляется Пушкиным со своеволием, а Чужое – с волей внешней, властью государственных структур. Отношения индивидуального и коллективного сознания у Пушкина не равнозначны от позиции Своего и Чужого.

Сила личности возрастает по мере того, как человек сознает себя «наследником всех своих родных» (ЕО, 1, 1) и использует *духовные* родовые потенции. Евгений в «Медном всаднике» родства не помнит. Евгений в «Евгении Онегине» принимает наследство как материю, а не дух жизни поколений. Семантика имени Евгений (благородный, вышедший из благородного рода) героями, которые благородства в своих предках не ищут, не задействована. И Татьяна ищет опору и ориентацию в мире, соотнося других и себя («воображаясь героиней» - ЕО, 3, X) с книжными героями. Там, где герои кажутся чужими в своей среде (Татьяна «в семье своей родной / Казалась девочкой чужой» - ЕО, 2,

XXV, Онегин, вернувшийся из дальних странствий, «для всех ... кажется чужим», - ЕО, 8, VII), Пушкин прозревает чаще слабость, чем силу личности.

С другой стороны, единение по плоти может обеспечить телесный покой и удобства, но не приводит к духовной общности. Альбер в «Скупом рыцаре» нуждается в деньгах отца, а не в философии денег, выстраданной Бароном. Правда и то, что личный грех – порок всего рода. И в «Борисе Годунове» вина Бориса распространяется на его детей и на его народ.

Пятое. Граница между Своим и Чужим в творческом сознании Пушкина не остается неизменной и зависит от духовных ресурсов личности, деградирующей или развивающейся (Онегин). Постыжением, единством характера, идущим от античности, Пушкин наделяет второстепенных героев, никогда не выходящих в своих личностных параметрах за пределы устойчивого и неизменного Своего. Таковы в «Евгении Онегине» Скотинины или Загорецкий, не способные к развитию и не нуждающиеся в нем. У Пушкина нет интереса к персонажам, которые идут по наклонной, исчерпывая ресурсы своего развития. По всей видимости, именно личность, устремленная к высшему полюсу самореализации, то есть обнаруживающая Свое на пределе идеального осуществления «я», составляет содержание творческих исканий поэта.

Свое у Пушкина меняется снаружи, чтобы не измениться внутри. В великосветской даме, казалось, рожденной блистать, трудно узнать влюбленную провинциальную барышню: «Ужель она?» (ЕО, 8, XVII). Пушкин изменяет статус и роль Татьяны, чтобы стало видно, как верна Татьяна себе и своим ценностям, как нерушимо в ней сокровенное – вера и верность. Вот только Онегину, чтобы это увидеть, нужно было измениться. Человек с призрачным Своим («Ничтожный призрак, / Чужих причуд истолкованье» - ЕО, 7, XXIУ) должен утвердиться в собственном «я», чтобы увидеть Чужое.

Если осмыслить творческий путь Пушкина от «Когда бы верил я...» до «В соседство Бога скрыться мне!..» (стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша...», 1823 и «Монастырь на Казбеке», 1829), то обнаруживается, что поэт изображает бытие как устремленность человека к Богу. И, понятая в свете христианского дискурса, граница между Своим и Чужим у Пушкина обретает иное содержание, иные очертания и траектории развития. Христианская традиция разграничивает в человеке то преходящее и изменчивое, что снимается покаянием, и то неизменное и неделимое, что составляет духовное ядро личности, данное Богом. Человек создан по образу и подобию Божию и при любых

метаморфозах и падениях сохраняет в себе заложенное в него Творцом. Пушкинские герои являют в себе образ Божий в той мере, в которой они соответствуют Высшему замыслу, и разнятся степенью отпадения от полноты своей природы. Человек ценится не за то, что имеет Свое (мнение, желание), но выделяется среди равных своей способностью проникаться волею Божией («Проникнись волею моею» – «Пророк») и соответствовать ей.

Шестое. По Пушкину, Свое – это духовно-целостное ядро личности, которое не поддается отчуждению, то, что нельзя отделить от «я», не нарушив целостности «я». Душа – то единственное, чем располагает человек и чем никто, кроме него, распорядиться не может. В сознании Пушкина *основные свойства души* – это *неделимость и вечность*: «Друзья мои, прекрасен наш союз! / Он как душа неразделим и вечен» - «19 октября» (1825 г).

«Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать» - в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824) Пушкин находит исчерпывающую формулу, разграничивающую ядро «я» от производных, внешних элементов. «Души высокие созданы» могут таиться в себе, а могут отдаваться миру («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824). Только вдохновеньем нельзя поделиться, вдохновенье невозможно продать или отдать. Соответственно только вдохновенье является неотчуждаемым компонентом Своего. Но человек не в состоянии по собственному желанию распоряжаться собственным вдохновением. Поэту знакомо состояние творческого бессилия, в котором спор с лирою ни к чему не приводит: «...насилъно вырываю / У музы дремлющей несвязные слова. / Ко звуку звук нейдет. ...» («Зима. Что делать нам в деревне?» 1829). «Усталый, с лирою я прекращаю спор», - констатируется тщетность противоборства с музыкой.

У Пушкина вдохновенье – «признак Бога» («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824), состояние, которое не зависит от воли и усилий личности и дается как дар извне, как «Бога глас», взывающий к пророку («Пророк»). Вдохновенье – единственная реально осязаемая связь с Высшим. «Гений, парадоксов друг», и пушкинская истина парадоксальна: подлинная и высшая основа Своего обнаруживается в отказе от собственной воли, разума и сердца (ситуация «Пророка»), ради того, чтобы действовали не внешние, страстные проявления «я», а высшее – «Бога глас», «веленье Божье», вдохновенье. И здесь пушкинское «открытие» выдержано в духе христианского сознания, которому оппозиция Свое – Чужое представляется мнимой и малопродуктивной для практики человеческого общежития. Возникновение антитезы Свое - Чужое святоотеческим преданием связывается с появлением антимира, противостоящего миру, созданному Богом. И

переход границы между миром и антимиром означает утрату души: Свое уничтожается, когда обрывается связь с Богом. Бесовская тень («всё кумиры сада / На душу мне свою бросали тень» - «В начале жизни школу помню я», 1830) нередко тяготеет над душами пушкинских персонажей. Но лирический герой Пушкина никогда не входит внутрь бесовского круга. В «Бесах» - единственный случай у Пушкина - чужой мир и чужое сознание остаются абсолютно чужими и враждебными лирическому герою (7).

С христианской точки зрения, у человека все от Бога – и духовные дарования, и материальные блага. Сама жизнь человека – дар от Бога, которым нужно уметь распорядиться, чтобы она не воспринималась как «Дар напрасный, дар случайный». Пушкин знает и состояние богооставленности, когда Высшая воля представляется «враждебной властью», но сознание себя тварью, хотя бы и не понимающей, для чего ее создал Творец, не воздвигает непреодолимую границу между человеком и Богом.

Пушкин знает и высшие состояния человека, когда душа пробуждается. И тогда границы между Своим и Чужим оказываются несущественными. Не потому, что исчезают, а потому, что воскресшая, ожившая душа живет не осознанием границ и не потребностью их переступания, а высшим состоянием целостности, единства с миром и гармонией. Переживается не предельность сущего, а присутствие в нем Бога, вдохновения, жизни, слез, любви:

И сердце бьется в упоенье,

И для него воскресли вновь

И божество и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь («Я помню чудное мгновенье», 1825)

Не в нем и не вне его, а для него. Человек возвращается в исходную библейскую ситуацию: мир создан для человека, и нет границы между человеком и Богом, нет Своего и Чужого. Пушкин отдает себе отчет в том, насколько труден путь к первоначальному единству Бога и человека. «Пророк» - стихотворение о необходимости полного преобразования человеческой природы для того, чтобы человек мог слышать «Бога глас». Соприкосновение с Высшим миром может оказаться невыносимым для смертного («как труп в пустыне я лежал...»). Но через страдания, боль и смерть обретается то, к чему стремится душа человеческая, душа поэта, – преодоление самой страшной границы, границы между человеком и Богом, и тогда человек возвращается к образу Божию в себе.

Таким образом, в творческом сознании Пушкина граница осмысливается с диалогических позиций: признавая существование границы между отдельными частями Мирового целого (человек, семья, сословие, нация и т.п.) и утверждая необходимость уважения к границам чужого жизненного пространства, Пушкин воспринимает замкнутость, непроницаемость границы между Своим и Чужим как искусственную и противоречащую идее космического единства мира.

Литература

1. Бахманн-Медик, Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы / Д. Бахманн-Медик // Новое литературное обозрение. - 2011. - №107. - С.32 – 48.
2. Топоров, В.Н. Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) / В.Н.Топоров // Современное славяноведение. - 1990. - №1.
3. Литературная газета.- 1987. - 1 января.
4. Виролайнен, М.Н. Четыре типа русской словесной культуры / М.Н.Виролайнен М.Н. - Санкт-Петербург, 2005. - 39 с.
5. Маркович, В.М. Два типа классического русского романа в первой половине XIX в. / В.М. Маркович. - Л., 1965.- 19 с.
6. Баткин, Л. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности / Л.Баткин. - М., 1989.
7. Хомякова, О.Р. «Неведомая сила» в роли антагониста (на материале произведений А.С.Пушкина) / О.Р.Хомякова // Пушкин и мировая культура: материалы III Международной науч. конф., г. Минск, 21 - 22 апр. 2009 г.: в 2 ч. - Минск: РИВШ, 2009. - Ч.1. - С. 93– 104.